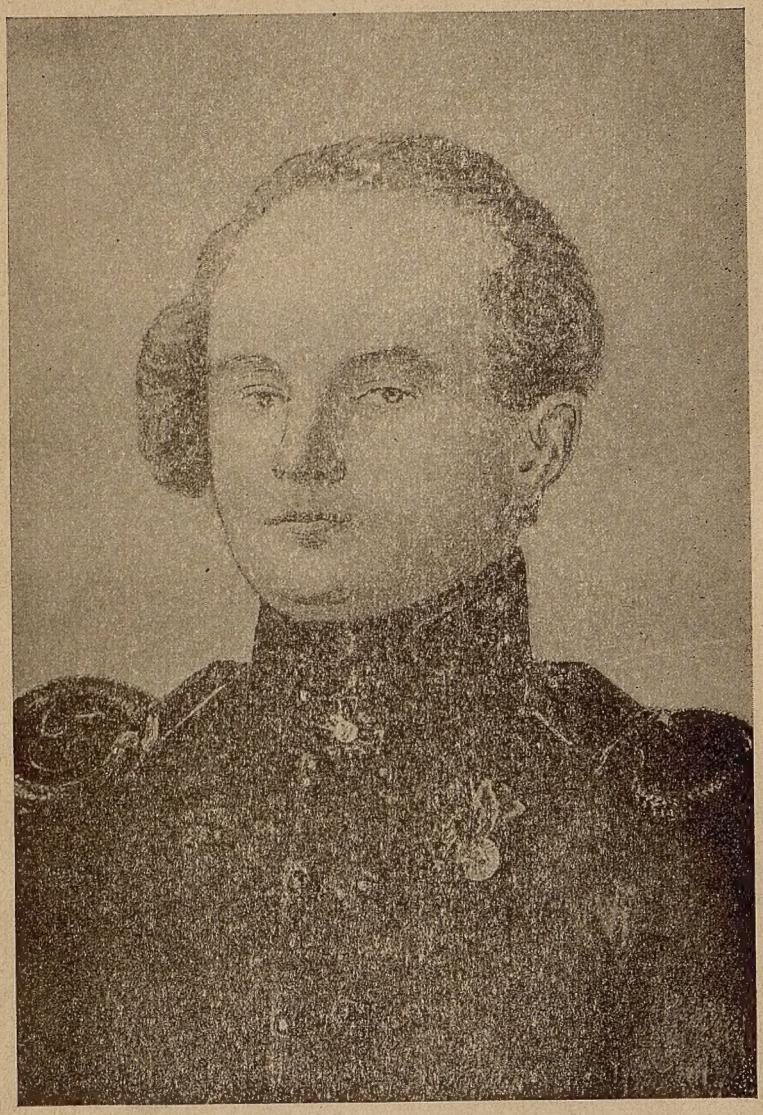
B13 396.

Инв. 4825
III-74



Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

В13 396

А. В. Жиркевичъ.

И. С. ЖИРКЕВИЧЪ

— и —

ЕГО ВОСПОМИНАНІЯ О СМОЛЕНСКѢ.

ИЗДАНІЕ СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

СМОЛЕНСКЪ.
Типографія П. А. Силина.
1904.

Печатано съ разрѣшенія Г. Начальника Смоленской губерніи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
658433

И. С. Жиркевичъ

и его воспоминанія о Смоленскѣ.

Прежде чѣмъ коснуться записокъ дѣда моего, относящихся къ прошлому г. Смоленска, до сихъ поръ не утратившихъ еще своего бытового и историческаго значенія, я нахожу необходимымъ, хотя-бы въ бѣгломъ очеркѣ, сообщить о самой личности автора записокъ,—стараго Смоленскаго дворянина Николаевской эпохи, когда-то довольно извѣстнаго дѣятеля. По сохранившимся фамильнымъ документамъ, предки дѣда моего жили въ Польшѣ, въ Мстиславскомъ воеводствѣ, гдѣ, благодаря милостямъ владѣтельныхъ князей и королей польскихъ, на основаніи жалованныхъ грамотъ, владѣли нѣсколькими имѣніями, получили шляхетство, а за ревность и услуги, оказанныя отечеству и Рѣчи Посполитой, пріобрѣли къ своей фамиліи постоянный придомокъ «Сфурсъ», такъ что полная ихъ фамилія была «Сфурсъ-Жиркевичъ». Тогда-же былъ данъ имъ и особый гербъ—подкова съ тремя звѣздами и тремя стрѣлами. Одинъ изъ предковъ дѣда моего по прямой линіи Кириллъ Сфурсъ-Жиркевичъ, подобно другимъ польскимъ дворянамъ, въ виду смутъ и Трубецкой войны, спасая жизнь свою, бѣжалъ въ 1654 году въ сосѣднее съ Мстиславскимъ воеводствомъ Смоленское княжество, гдѣ поселился, женился на русской и, вѣроятно, тогда же принялъ православіе. Жилось ему на новомъ мѣстѣ, повидимому, хорошо. По крайней мѣрѣ, когда по возстановленіи спокойствія въ Мстиславскомъ воеводствѣ, родные племянники его пріѣзжали нарочно въ г. Смоленскъ и просили его вернуться на родину, то Кириллъ Сфурсъ-Жиркевичъ, не надѣясь (какъ сказано въ одномъ документѣ) «чтобъ въ Польшѣ могли продлиться спокойствіе и тишина», не пожелалъ вернуться въ отечество, и продавъ часть «маётности» своей, бывшей въ Мстиславскомъ воеводствѣ,

этимъ-же племянникамъ, остался навсегда жить въ Смоленскомъ княжествѣ. А такъ какъ въ тѣ времена случалось отъ поляковъ нерѣдко „безпокойство“ Смоленскому княжеству, то Кириллъ Сфурсъ-Жиркевичъ, боясь чтобы его не выдали, въ случаѣ недоразумѣній, Польшѣ, перемѣнилъ свою природную фамилію на фамилію „Жирный“. Послѣ смерти его, когда сыновья его Василій и Степанъ поступили въ г. Смоленскѣ на гражданскую службу, то начальство потребовало отъ нихъ доказательствъ ихъ „шляхетскаго“ происхожденія, и Василій Жирный въ 1770 году нарочно ѣздилъ въ Мстиславское воеводство, гдѣ и получилъ на благородное дворянское достоинство рода Сфурсъ Жиркевичей актъ, выписанный изъ книгъ земскаго воеводства Мстиславскаго, въ которомъ подробно были изъяснены не только родословная рода Сфурсъ—Жиркевичей, но и милости, оказанныя имъ владѣтельными князьями и польскими королями. Еще раньше, въ 1762 году, все это было удостовѣрено свидѣтельствомъ дворянства Мстиславскаго воеводства, (11-и дворянъ), подтвердившихъ въ канцеляріи Его Королевскаго Величества градской Мстиславской свое родство съ семействомъ Сфурсъ Жиркевичей и ихъ привиллегіи. Когда-же Мстиславское воеводство было присоединено къ Россіи, то все вышеизложенное было еще разъ засвидѣтельствовано Мстиславскимъ земскимъ судомъ, выдавшимъ въ 1785 году Степану Сфурсъ-Жиркевичу (отцу дѣда моего Ивана Степановича), особый актъ. Кромѣ того 28 благородныхъ особъ, знавшія въ Мстиславскомъ воеводствѣ родныхъ Степана Жирнаго (Сфурсъ-Жиркевича), засвидѣтельствовали шляхетское его происхожденіе и то, что онъ дѣйствительно носитъ фамилію Сфурсъ-Жиркевича. Всѣ эти документы, въ свою очередь, легли въ основаніе грамоты на дворянство, выданной губернскимъ предводителемъ дворянства и уѣздными дворянскими депутатами Степану Сфурсъ-Жиркевичу.

Дѣдъ мой—Иванъ Степановичъ Жиркевичъ (почти никогда не употреблявшій придомка „Сфурсъ“ (почему и мы, потомки его, подписываемся безъ этого добавленія), оставилъ послѣ себя обширныя записки, печатавшіяся съ перерывами

въ «Русской Старинѣ» въ періодъ съ 1874 по 1890 годъ. Кромѣ того, позднѣе, я напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года еще нѣсколько отрывковъ изъ записокъ, не попавшихъ въ «Русскую Старину». — Записки дѣда, въ свое время, обратили на себя вниманіе общества — при появленіи ихъ въ печати, почему и цитировались въ разныхъ изданіяхъ. Оригиналъ записокъ пожертвованъ мною въ музей гвардейской артиллеріи (въ исторіи гвардейской артиллеріи, изданной П. П. Потоцкимъ, многое основано на воспоминаніяхъ дѣда, какъ старѣйшаго артиллериста гвардіи). — Къ сожалѣнію, изъ обширной переписки Ивана Степановича, въ которой хранились письма и записки къ нему гр. Аракчеева, Ермолова, гр. Блудова и др. историческихъ лицъ, не осталось ничего: все было сожжено дочерью покойнаго З. И. Ганъ, которая, какъ юная особа, получивъ послѣ смерти отца шкатулку съ его бумагами на храненіе, выбросила, по непониманію, ея содержимое въ огонь. Записки дѣда, бывшія на рукахъ отца моего, тоже едва не постигла подобная-же участь. Помню, какъ въ дѣтствѣ, во время долгихъ переѣздовъ въ экипажѣ, намъ, дѣтямъ, клали ихъ подъ ноги; на нихъ-же мы сидѣли обыкновенно во время обѣдовъ. Валявшіеся въ углу два огромныхъ переплетенныхъ тома записокъ впервые замѣтилъ случайно у насъ въ домѣ Дисненскій уѣздный предводитель дворянства С. Д. Карповъ, который, ознакомившись съ содержаніемъ мемуаровъ и сразу убѣдившись въ ихъ цѣнности, взялъ на себя трудъ помѣстить ихъ въ «Русскую Старину».

Начиная въ 1874 году печатаніе записокъ Ивана Степановича Жиркевича, редакція журнала помѣстила къ нимъ слѣдующее предисловіе Карпова, основанное не только на матеріалѣ записокъ, но и на показаніяхъ лицъ, еще жившихъ и знавшихъ близко покойнаго:

„Авторъ записокъ, отставной генералъ-майоръ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ родился въ 1789 г. въ Смоленскѣ и на 5-мъ году отъ рожденія отданъ на воспитаніе въ сухопутный шляхетный корпусъ, находившійся тогда еще подъ начальствомъ графа Ангальта, гдѣ былъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе. Окончивъ тамъ свое воспитаніе, Жиркевичъ,

по 16-му году, былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ и прямо со школьной скамейки попалъ въ Аустерлицкое сраженіе.—По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Жиркевичъ, по званію баталіоннаго адъютанта, имѣлъ ежедневный докладъ у графа Аракчеева (который въ то время былъ инспекторомъ всей артиллеріи) и въ короткое время на столько снискалъ себѣ довѣріе у суроваго начальника, что графъ, не смотря на молодость Жиркевича, началъ давать ему довольно важныя порученія.—Не скрывая въ своихъ запискахъ тяжесть характера Аракчеева въ домашнемъ и служебномъ быту, Жиркевичъ не умаляетъ въ немъ достоинствъ, какъ въ человѣкѣ трудившемся, и въ особенности отдаетъ ему справедливость въ томъ, что единственно его заботами русская артиллерія была доведена до той степени совершенства, въ какой она себя показала во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ. До сего времени съ именемъ Аракчеева у читателя связано было понятіе, какъ о существѣ гнусномъ, отталкивающемъ: въ настоящихъ же запискахъ авторъ, напротивъ, вездѣ, гдѣ тому представляется случай, выставляетъ Аракчеева съ болѣе выгодной стороны, описывая его, правда, брюзгой и ворчливымъ, но вообще довольно снисходительнымъ и справедливымъ начальникомъ.

Въ должности адъютанта при Аракчеевѣ Жиркевичъ находился до самаго назначенія графа военнымъ министромъ; затѣмъ вернулся во фронтъ и первое время далеко не пользовался расположеніемъ Ал. Петр. Ермолова, принявшаго въ свое командованіе гвардейскую артиллерію. Ермоловъ подозрѣвалъ въ немъ клеврета Аракчеева, а можетъ быть даже и наушника, такъ какъ расположеніе сего послѣдняго къ Ивану Степановичу ни для кого въ гвардейской артиллеріи не составляло тайны. Но впослѣдствіи Ермоловъ, при содѣйствіи Вельяминова, съ которымъ Жиркевичъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, узнавъ его хорошо, не только отдалъ ему полную справедливость, но почтилъ своей дружбою, продолжавшейся до самой его смерти.

Жиркевичъ участвовалъ въ достопамятной отечественной войнѣ отъ самаго ея начала до вступленія русскихъ въ Па-

Отд. 1835
III-14

рижъ въ 1814 г. Непріятное столкновеніе между офицерами гвардейской артиллеріи со вновь назначеннымъ къ нимъ начальникомъ, полковникомъ Таубе, побудило Жиркевича заблаговременно оставить службу въ гвардіи и перечислиться въ полевую артиллерію, гдѣ онъ получилъ въ командованіе роту т. е. батарею.

Получивъ въ Парижѣ отпускъ по болѣзни, авторъ записокъ возвратился на родину, въ Смоленскъ, и вскорѣ женился на Александрѣ Ивановнѣ Лаптевой.

Во время стоянки съ своей ротою въ губернскомъ городѣ Орлѣ, Жиркевичъ познакомился съ проживавшимъ тамъ, подъ опалой, генераломъ—отъ-инфантеріи, графомъ С. М. Каменскимъ, братомъ главнокомандующаго русской арміей на Дунаѣ и сыномъ фельдмаршала.

Вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ обстоятельствъ, будучи вынужденъ оставить строевую службу, Жиркевичъ, по желанію великаго князя Михаила Павловича, поступилъ въ артиллерійскій департаментъ начальникомъ отдѣленія.—Здѣсь не замедлили у него возникнуть столкновенія съ директоромъ и другими членами—вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій, которымъ тѣ, какъ разсказываетъ Жиркевичъ, потворствовали.—Не смотря на нравственную поддержку, оказанную ему великимъ княземъ, врагамъ Жиркевича удалось его очернить въ мнѣніи великаго князя и, удаливъ изъ департамента, запятнать его формуляръ отмѣткою: «къ повышенію, по строптивости характера, недостоинъ.»

Жиркевичъ обратился съ энергическимъ письмомъ къ великому князю и просилъ назначить строжайшее слѣдствіе надъ всѣми его дѣйствіями, относящимися до его департаментской службы. Вполнѣ оправданный, онъ вновь былъ приглашенъ на службу въ тотъ же департаментъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Съ этой должности онъ поступилъ въ Тульскій оружейный заводъ помощникомъ командира, гдѣ пробылъ около 2-хъ лѣтъ.

Не поладивъ съ заводскимъ начальствомъ и опять вынужденный выйдти въ отставку во избѣжаніе чего-нибудь худшаго, Иванъ Степановичъ остался съ одними долгами безъ

всякихъ средствъ къ жизни, что и побудило его нѣсколько разъ обращаться съ просьбами о полученіи какого-нибудь мѣста, могущаго прокормить его съ семействомъ, къ нѣкоторымъ изъ своихъ прежнихъ товарищей, которые уже занимали высокія должности и достигли извѣстныхъ степеней отличія; на просьбы являлись уклончивые отвѣты или прямые отказы. Вдругъ совершенно неожиданно получилъ онъ письмо отъ А. А. Вельяминова, который предложилъ ему свои услуги, увѣдомляя, что онъ писалъ къ морскому министру, князю Меншикову, ходатайствуя у него, чтобы онъ предоставилъ Жиркевичу приличную должность, такъ какъ «нахожденіе его въ отставкѣ есть,»—какъ выразился Вельяминовъ,—«великая потеря для пользы службы.»

Прибывъ въ Петербургъ, Жиркевичъ, противъ чаянія, встрѣтилъ у кн. Меншикова самый радушный, привѣтливый пріемъ и, черезъ его посредство, сдѣлался извѣстнымъ графу Д. Н. Блудову, бывшему въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ краткаго причисленія къ министерству, авторъ записокъ получилъ мѣсто Симбирскаго губернатора.

Назначеніе это въ то время считалось весьма важнымъ и обращало на себя особое вниманіе правительства вслѣдствіе перевода нѣсколькихъ сотъ тысячъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльное вѣдомство. По новизнѣ дѣла и порядковъ, вводимыхъ тогда въ управленіи крестьянъ, опасались волненій въ народѣ и потому на этой должности желали видѣть лицо, которое, при умѣніи и твердости, избѣгло-бы: во первыхъ всякаго столкновенія съ мѣстнымъ удѣльнымъ начальствомъ; во вторыхъ—предупредило, а если нужно, то строгими и рѣшительными мѣрами усмирило-бы всякую народную вспышку.

Послѣ аудіенціи у Императора Николая Павловича, снабженный всякаго рода инструкціями, свѣдѣніями и т. п., наслушавшись кучу любезностей и всевозможныхъ себѣ похвалъ отъ сильныхъ міра сего, къ которымъ онъ по обязанности службы являлся, Жиркевичъ выѣхалъ изъ Петербурга прямо къ новому мѣсту своего назначенія, гдѣ въ самый день пріѣзда, по горячности и неукротимости своего характера, взбѣ-

шенный дерзкимъ выраженіемъ помощника управляющаго удѣльной конторою Бестужева, имѣлъ съ нимъ сильное столкновеніе. Это послужило основаніемъ всѣмъ дальнѣйшимъ непріятностямъ, испытаннымъ Жиркевичемъ, какъ на службѣ въ Симбирскѣ, такъ равно и впослѣдствіи преслѣдовавшимъ его почти до самой смерти.

Обласканный Государемъ, посѣтившимъ Симбирскъ, и взысканный Его милостями за успѣшное и благоразумное распоряженіе при успокоеніи раздраженныхъ лашманъ (казенныхъ крестьянъ изъ татаръ, переведенныхъ въ удѣльные), Жиркевичъ получилъ другое назначеніе — именно на должность Витебскаго губернатора.

То время было для каждаго начальника западныхъ губерній самое критическое. Присоединеніе уніатовъ къ православной церкви было только что начато. Православное духовенство, занимая въ этомъ политическомъ событіи одно изъ самыхъ видныхъ и главныхъ мѣстъ, въ сознаніи своей силы и необходимости, пользовалось и, какъ увѣряетъ Жиркевичъ, иногда злоупотребляло своею властью и значеніемъ. Витебскій и Смоленскій генералъ-губернаторъ князь Хованскій, Витебскій губернаторъ Шредеръ и др., хотѣвшіе положить нѣкоторую законную преграду непомѣрнымъ требованіямъ духовенства, принуждены были оставить свои должности. Причина паденія такихъ лицъ ни для кого не составляла тайны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служила урокомъ для всего остального чиновничьяго люда въ губерніи, а потому всѣ единогласно вторили духовенству и рабски ему повиновались.

Каѳедру полоцкой епархіи занималъ тогда небезызвѣстный въ лѣтописяхъ уничтоженія уніи епископъ Смарагдъ Крыжановскій. Нестарый годами, видный мужчина, довольно образованный, деспотъ и жестокій въ обращеніи со своими подчиненными, высокомѣрный, страстно любящій подарки, Смарагдъ въ короткое время подчинилъ своему вліянію всю Витебскую администрацію. Ни мало не стѣсняясь, онъ вездѣ выставлялъ будто бы дѣйствуетъ по Высочайшей волѣ, Высочайшимъ именемъ, и всѣ были такъ напуганы предшествовавшими обстоятельствами, что безпрекословно исполняли всѣ его желанія.

Вновь назначенный генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Дьяковъ, честный, доброжелательный человѣкъ, но совершенно несвѣдущій въ дѣлахъ, своей деликатностью и даже отчасти робостью, происходящей отъ незнанія дѣлъ, дѣлая видъ, будто бы не желаетъ раздражать духовенство, потворствовалъ ему и тѣмъ самымъ придавалъ ему еще болѣе смѣлости заявлять разныя неподлежащія притязанія.

Въ такомъ положеніи нашелъ Жиркевичъ, по пріѣздѣ своемъ, Витебскую губернію — и не прошло двухъ мѣсяцевъ по вступленіи его въ должность, какъ у него уже начались непріятности съ архіереемъ. — Въ высшей степени честный, самостоятельный, ревниво оберегая достоинство своего званія отъ малѣйшаго посягательства, не отступавшій ни на шагъ отъ буквы закона, губернаторъ не могъ согласиться на всѣ дѣлаемыя ему заявленія и слѣпо исполнять чужія желанія, а потому вскорѣ неудовольствія перешли въ явную вражду. Кромѣ того, новый губернаторъ, не будучи свѣтскимъ, салоннымъ человѣкомъ, имѣлъ несчастье заслужить нерасположеніе супруги генералъ-губернатора. Начались мелкія придирки, колкости, которыхъ Жиркевичъ не умѣлъ и не могъ, по вспыльчивости своего характера, перенести молча, а всякій разъ съ лихвой возвращалъ таковыя, такъ что, наконецъ, отношенія между обѣими властями сдѣлались до того непріязненно натянуты, что Жиркевичъ, какъ младшій и лишенный всякой протекціи и поддержекъ, принужденъ былъ покинуть службу и выидти въ отставку.

По выходѣ своемъ изъ службы, онъ поселился съ семействомъ въ Полоцкѣ, гдѣ до кончины жилъ самымъ скромнымъ образомъ, за неимѣніемъ средствъ. Умеръ онъ отъ холеры въ 1848 году. Жена его, Александра Ивановна, неразлучная его спутница, не могла его пережить и не прошло шести недѣль, какъ она, въ свою очередь, сошла въ могилу. — Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей — А. И. Глушкову и З. И. Ганъ и сына Владиміра Ивановича.

Послужной списокъ чиновника не можетъ служить руководствомъ для нравственной оцѣнки человѣка. Если судить о покойномъ И. С. Жиркевичѣ по его формуляру, то можно

сдѣлать выводы далеко не въ его пользу. „Безпокойный, строптивый, неуживчивый человѣкъ“ — вотъ что могутъ сказать о немъ люди, которымъ неизвѣстно, что неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали изъ чистѣйшаго источника, именно — изъ неподкупной, фанатической честности, изъ преданности и любви къ Царю и Отечеству“.

Продолжая печатать мемуары дѣда моего, редакція „Русской Старины“ предпослала продолженію ихъ слѣдующее примѣчаніе:

„Въ напечатанныхъ главахъ изъ записокъ И. С. Жиркевича находимъ опять разсказы о военной службѣ при Александрѣ I; но здѣсь повѣствуетъ служака изъ дворянскаго сословія, изучавшій ратную службу въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, ознакомившійся со всѣми ея сторонами и на ратномъ полѣ, и въ военной административной сферѣ. Въ этихъ запискахъ, писанныхъ перомъ человѣка образованнаго и наблюдательнаго, находимъ нѣсколько портретовъ историческихъ личностей, преимущественно дѣятелей 1812 года, очерченныхъ мастерски: кн. Кутузовъ — Смоленскій, А. П. Ермоловъ, гр. Милорадовичъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и многіе другіе являются въ запискахъ Жиркевича, какъ бы въ новомъ свѣтѣ. Наконецъ, мрачная личность Аракчеева, изображеннаго на его служебномъ поприщѣ, подъ перомъ Жиркевича, до нѣкоторой степени утрачиваетъ свою звѣрообразность. ... Вообще его записки, не смотря на нѣкоторую вычурность языка, по своей правдивости, могутъ быть причислены къ немаловажнымъ матеріаламъ для исторіи вѣка Александра I-го“.

Въ другомъ мѣстѣ, редактировавшій мемуары дѣда С. Д. Карповъ писалъ о нихъ въ „Русской Старинѣ“:

„Записки А. Т. Болотова прерываются на 1795 году. И. С. Жиркевичъ, въ своихъ запискахъ, какъ бы продолжаетъ это повѣствованіе; но въ немъ является уже не мирный дворянинъ-помѣщикъ, а дворянинъ — воинъ, дворянинъ — чиновникъ, дворянинъ — администраторъ.... Любопытно, что разсказъ Жиркевича именно начинается съ тѣхъ годовъ, на которыхъ остановилось сказаніе Болотова. При разности достоинствъ литера-

турныхъ, прямодушіе, честность и искренность обоихъ разсказчиковъ—одинаковы...“

Пока на страницахъ „Русской Старины“ печатались воспоминанія моего дѣда, одинъ изъ современниковъ его и сослуживцевъ по Симбирску, жандармскій офицеръ Эразмъ Стоговъ помянулъ покойнаго добрымъ словомъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ томъ-же журналѣ за 1878 годъ. Для полной характеристики дѣда моего, типичнаго Смоленскаго дворянина и служаки, считаю небезъинтереснымъ привести тѣ мѣста записокъ Стогова, которыя его касаются.

Вотъ эти немногія выдержки:

„Вмѣсто Z назначенъ въ Симбирскъ губернаторомъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.—Въ „Русской Старинѣ“ есть посмертныя записки его; мнѣ приходится сказать о немъ, какъ стороннему зрителю.“

«Такъ было недавно, съ небольшимъ 40 лѣтъ, но, какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едва-ли солгу, сказавъ, что никто этого не зналъ, какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь, занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжемъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ-ли, танцуетъ-ли, даже хорошо-ли говоритъ по-французски и пр. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилія: просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвращаясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: «не приказано,» и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ—у стола, уложеннаго бу-

магами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ на встрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное, и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе, темнорусые волосы приглажены по-военному, въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ.—Жиркевичъ былъ сухого сложенія, но не худъ, поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ, говорилъ скоро, какъ-то отрывисто, пригласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ.... Ничуть не бывало, хоть-бы слово спросилъ, а отъ кого-же узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія.—Откланявшись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность —пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: «Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.»

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги, около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю.» —Ну, думаю, теперь разговорится. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртукѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ обдѣлается съ дѣлами, то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не обдѣлался! Я разсказалъ какой-то анекдотъ, думая сорвать улыбку—разсказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутов-

ство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспыливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но зато и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклоняться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.»

Стоговъ приводитъ далѣе случай, ярко характеризующій дѣда моего:

«Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска.—Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны, —архитекторъ не расчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жиркевичемъ. Обычная увѣренность спеціалистовъ—что тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще-бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ *дѣйствіемъ* вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю.»

На однихъ похоронахъ ѣхали вмѣстѣ Стоговъ, Жиркевичъ и губернскій предводитель дворянства Бестужевъ. Ихъ усадили въ одинъ экипажъ.

«Сначала мы ѣхали почти молча» разсказываетъ Стоговъ: «Бестужевъ очень скромно сказалъ: (Жиркевичу)!—«Ваше превосходительство, вы на дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика.»—«Кого это?»—«Архитектора.»—«Онъ мошенникъ, воръ.»—«Этотъ мошенникъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать.»—«Мошенникъ, воръ—не имѣетъ званія, я выгналъ подлеца и выгоню всякаго вора.»—«Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!»—«Я прикажу баталіону выгнать ихъ!» Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ.....»

Произошло крупное столкновеніе, которое Стогову, въ виду толпившагося у экипажа народа, удалось благополучно замять. Далѣе онъ говоритъ:

«Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы, какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовали.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ—феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому.—Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, онъ въ Симбирскѣ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ во главѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія.»

Однажды было сообщено Стогову о волненіяхъ и бунтѣ татаръ (лашманъ), возмущенныхъ дѣйствіями удѣльныхъ чиновниковъ. Стоговъ отправился съ докладомъ къ губернатору.

„Я спросилъ Жиркевича“ пишетъ Стоговъ: „что онъ намѣренъ дѣлать?»—„Поѣду, прочитаю законъ“.—„Татары, не понимая русскаго языка, не послушаютъ.“—„Тогда приведу войска“.—„Какія?“—„Здѣшній баталіонъ.“—„Въ баталіонѣ до 300 человѣкъ, но не наберется здоровыхъ и 100 человѣкъ, остальные калѣки, а ружей кой-какъ годныхъ, съ замками, не найдется и 50-ти, что-же вы можете съ этой арміей?“—„Исполню законъ.“—„Но вы знаете, что это не только безполезно, но вредно тѣмъ, что татары разъ испытаютъ безсиліе воинской команды, тогда нужна противъ нихъ армія, вѣдь татаръ 40 тысячъ!“—„Что-же дѣлать, я долженъ исполнить законъ.“

Въ этихъ словахъ выразился весь Жиркевичъ. Сознавая вредъ отъ буквальнаго исполненія закона, я, у него-же въ кабинетѣ, написалъ къ нему конфиденціальное письмо, въ которомъ, изложивъ безсиліе его дѣйствовать противъ взбунтовавшихся татаръ—исполняя буквально статьи закона, и могу-

щій произойти отъ того вредъ, то, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, я, на основаніи секретной инструкціи, Высочайше утвержденной, останавливаю его дѣйствія по этому дѣлу и принимаю на свою отвѣтственность.—Подалъ Жиркевичу, онъ прочиталъ внимательно два раза, спросилъ:—„Вы не возьмете назадъ?"—„Нѣтъ."—„Что заставляетъ васъ соваться въ такое рискованное дѣло и брать добровольно на свою отвѣтственность?"—„Безполезность вашихъ дѣйствій и польза отъ моей удачи, вѣдь я русскій человѣкъ!"

Жиркевичъ обнялъ меня и сказалъ:—„Вы честный и благородный дуракъ!"—„Спасибо"—„На вашемъ мѣстѣ, я бы не взялъ на себя, а вамъ дай Богъ успѣха!"

Затѣмъ идетъ описаніе благополучнаго умиротворенія „лашманъ" и роли, которую сыгралъ при этомъ Иванъ Степановичъ. Далѣе Стоговъ пишетъ:

„Пока я хлопоталъ съ „лашманами" неудовольствіе росло противъ Жиркевича. Одинъ Жиркевичъ не замѣчалъ того и это потому, что не сознавалъ своей вины къ обществу; онъ не могъ быть другимъ, какимъ былъ.—Я продолжалъ писать, воздавая хвалу честному его трудолюбію, безукоризненной нравственности, высокимъ служебнымъ достоинствамъ, но вреднымъ для Симбирска. Любить Жиркевича трудно, но не уважать нельзя!"

«Покидая Симбирскъ» передаетъ Стоговъ: „Жиркевичъ съ большимъ чувствомъ простился со мною; не знаю, догадывался-ли онъ, что я стоялъ за него горою; между нами не было слова. Какъ пріѣхалъ онъ невидимкою, такъ незамѣтно и уѣхалъ."

«Въ запискахъ Стогова есть еще упоминанія объ Ив. Степановичѣ, но я ихъ пропускаю.

Скончался мой дѣдъ въ г. Полоцкѣ 55 л. отъ холеры 3 Іюля 1848 г., а 5 Іюля погребенъ подъ Полоцкомъ, на такъ называемомъ «Красномъ кладбищѣ». Тамъ же похоронена была вскорѣ и жена его. На общей могилѣ ихъ долго стоялъ деревянный крестъ. Потомъ крестъ этотъ упалъ и, когда, много лѣтъ спустя, я пріѣхалъ въ Полоцкъ, чтобы розыскать могилу, то мнѣ уже не могли указать ее мѣстные старожилы.

Случайно уцѣлѣло у меня завѣщаніе дѣдушки, написанное имъ собственноручно 19 іюня 1848 года, т. е. за двѣ недѣли до кончины, какъ-бы дополняющее вышеприведенныя его характеристики. Вотъ оно (очевидно составленное подъ вліяніемъ эпидеміи, въ предчувствіи близкой кончины):

«Въ животѣ и смерти каждаго — воля Божія. Въ настоящее время мы должны ежеминутно помышлять объ этомъ. Въ случаѣ внезапной смерти моей желаю и прошу:

1) чтобы по кончинѣ моей никакихъ суетъ около близкихъ ко мнѣ не было; 2) ради Бога не заниматься пріуготовленіемъ черныхъ приборовъ или украшеній для гроба; 3) гробъ сдѣлать для меня въ самомъ простомъ видѣ, безъ обивки какъ снаружи, такъ и внутри; 4) никакой одежды, кромѣ утренней, не надѣвать на меня; 5) для моего погребенія не сзывать особыхъ причтовъ и провожатыхъ; 6) по изготовленіи гроба, отслужа панихиду, уложить тѣло мое и немедленно закрыть гробъ на глухо; 7) ежели можно ограничиться панихидою обо мнѣ на дому — то въ церковь тѣло не выносить для погребенія. Близкихъ моихъ прошу глубокаго траура по мнѣ не носить.

Да проститъ Господь мнѣ, какъ я прощаю всѣхъ враждующихъ мнѣ и ненавидящихъ меня».

Мнѣ случалось нерѣдко встрѣчаться съ людьми, или знавшими покойнаго Ивана Степановича лично, или слышавшими о немъ отъ его современниковъ: всѣ отзывы обрисовывали покойнаго, какъ идеально честнаго, правдиваго, безкорыстнаго русскаго дѣятеля. Тою же правдивостью отмѣчены и его мемуары, которые писалъ онъ лишь въ «назиданіе сыну» своему, („если онъ пойметъ меня“ сказано въ подлинникѣ), отнюдь не предполагая, что они когда либо появятся въ печать.

Привожу изъ объемистой рукописи все то, что уже напечатано по отношенію къ Смоленску и Смоленской губерніи.

Переведенный на службу въ Смоленскъ, я убѣдился что здѣсь почти никто не слышалъ о дѣдѣ, объ его воспоминаніяхъ. Между тѣмъ со Смоленскомъ связано было много событій въ жизни Ивана Степановича Жиркевича, а самая личность дѣда моего заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, того чтобы ее не забыли — именно въ Смоленскѣ, къ дворянству котораго онъ

принадлежалъ.—Кромѣ того, воспоминанія дѣда, несомнѣнно, даютъ новые матеріалы къ описанію прошедшаго нашего многострадальнаго историческаго города.

«Я родился въ Смоленскѣ 1789 года, мая 9-го дня» пишетъ Иванъ Степановичъ въ своихъ мемурахъ «по утру, въ половинѣ 6-го часа, въ тотъ самый моментъ, когда князь Потемкинъ имѣлъ въѣздъ въ сей городъ и былъ привѣтствованъ, какъ фельдмаршалъ, пушечными выстрѣлами; бабушка, принимавшая меня, тогда-же изрекла пророчество матери моей, что я буду губернаторомъ, и эта идея, съ самаго юнаго возраста моего, была для матери моей постоянною, такъ что я болѣе ста разъ слышалъ отъ нея слова сіи, и, такъ сказать, надежду, что оное пророчество сбудется тогда, какъ самъ я вовсе и помышленія о себѣ не имѣлъ.»

Описавъ затѣмъ пребываніе свое въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ, по его замѣчанію, «послѣднимъ недорослемъ, помѣщеннымъ распоряженіемъ добродѣтельнаго гр. Ангальта», Иванъ Степановичъ переходитъ къ выпуску изъ корпуса (въ 1805 году), когда прямо со школьной скамьи, 16-ти лѣтъ, пришлось ему нагонять свой баталіонъ, бывшій уже на походѣ противъ французовъ.—Затѣмъ описывается походъ, сраженія, въ которыхъ участвовалъ дѣдъ, возвращеніе съ особымъ порученіемъ въ С.-Петербургъ; знакомство въ 1806 году съ графомъ Аракчеевымъ; нѣкоторые случаи изъ служебной и семейной жизни графа.—Въ началѣ 1807 года дѣдъ снова выступилъ въ походъ противъ французовъ и описываетъ новыя дѣла, въ которыхъ участвовалъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ взялъ отпускъ въ Смоленскъ, гдѣ такъ сказать впервые близко познакомился со своей матерью (будучи отданъ въ корпусъ 5 лѣтъ, онъ совершенно не зналъ и не помнилъ ее).

„Я прибылъ въ Смоленскъ" пишетъ Иванъ Степановичъ „наканунѣ 1808-го года и тотчасъ-же подалъ рапортъ, что я боленъ, и взялъ свидѣтельство о томъ изъ врачебной управы, отъ тестя покойнаго моего брата, служившаго членомъ оной. —Гр. Аракчеевъ, сдѣлавшійся въ это время (13-го янв.) военнымъ министромъ, предписалъ немедленно выслать меня изъ

Смоленска, — что, однако же, не исполнилось и я дѣйствительно пробылъ въ отпуску 4 мѣсяца, а когда возвратился, то Аракчеевъ замѣтилъ мнѣ: „Ты упрямѣе меня — поставилъ на своемъ!..“ *) Еще до отбытія моего въ отпускъ, онъ приказалъ мнѣ, по бытности въ Смоленскѣ, обратить вниманіе на двѣ артиллерійскія роты, тамъ квартировавшія, предваривъ, что, по возвращеніи моемъ, онъ подробно меня на счетъ ихъ разспроситъ. Принявъ это порученіе въ нѣкоторомъ родѣ за секретное полицейское, я душевно оскорбился, но ослушаться Аракчеева не смѣлъ и не рѣшался, а какъ на мое счастье въ Смоленскъ былъ командированъ нашей-же бригады подпоручикъ Козловъ для показанія въ упомянутыхъ ротахъ порядка строеваго, то я тотчасъ-же, по прибытіи моемъ, объявилъ ему о сдѣланномъ мнѣ порученіи и просилъ его познакомить меня съ обоими ротными командирами, съ подполковникомъ Штаденомъ и маіоромъ Залдекъ-Пиковскимъ. Перваго въ городѣ не случилось, а послѣдній очень понялъ мою должность и принялъ меня съ большимъ радушіемъ. Когда-же возвратился Штаденъ, то я, почитая обязанностью моею представиться ему, какъ старшему въ городѣ артиллерійскому начальнику, немедленно поѣхалъ къ нему. Онъ предваренъ былъ Залдекомъ обо мнѣ, и когда я явился, то очень сухо встрѣтилъ меня словами: „Мнѣ сказывали, что вы имѣете порученіе отъ Аракчеева — осмотрѣть ввѣренныя мнѣ роты; не прикажете-ли, я ихъ обѣ выведу въ строй и представлю вамъ, какъ инспектору?“ — Обиженный такимъ пріемомъ, я отвѣчалъ, что „графъ не давалъ мнѣ порученія инспекторскаго, но частно приказалъ мнѣ озаботиться о свѣдѣніяхъ, относящихся къ положенію ротъ, и я частью уже сіе исполнилъ. Но, по благородству чувствъ, не желалъ, чтобы меня принимали за шпіона, и потому просилъ товарища моего, Козлова, предварить его, Штадена, и Залдека, чтобы они не рисковали своею репутаціею, ибо я начальника моего обманывать не хочу и не стану! Но ежели онъ принимаетъ это въ другомъ видѣ, и соглашается показать мнѣ роту

*) Уѣзжая въ отпускъ, дѣдъ говорилъ графу о томъ, что будетъ просить объ отсрочкѣ отпуска, а графъ отвѣчалъ ему, что не дастъ ее.

свою по формѣ, то я и отъ этого не откажусь и, по осмотрѣ, форменно донесу обо всемъ графу!"

Строптивый Штаденъ, видя мою рѣшимость, съ шуткою подозвавъ своего сына, лѣтъ 5-ти мальчика, скомандовалъ ему: «Сми-рно! На пра-во! Во-фронтъ! На лѣ-во! Во-фронтъ! На лѣво кру-гомъ! Скорымъ шагомъ—маршъ!» — обратился ко мнѣ: «Вотъ видите, какъ я учу собственнаго своего рекрута, то мнѣ нечего бояться за свою роту,» — и мы разстались очень холодно.

Первое мое знакомство въ Смоленскѣ было съ домомъ Лаптевыхъ, и я почти ежедневно бывалъ тамъ и только тамъ встрѣчался со Штаденомъ.—Передъ выѣздомъ моимъ изъ Смоленска, обѣимъ ротамъ дано приказаніе выступить въ С. Петербургъ и я въ пути обогналъ ихъ на второй станціи.— Штаденъ, узнавъ, что я проѣзжаю, пріѣхалъ самъ на станцію и просилъ меня отобѣдать у него. Тутъ онъ перемѣнилъ совершенно свой тонъ—хлопоталъ о моемъ спокойствіи въ вояжѣ и просилъ, когда они придутъ въ Петербургъ, о болѣе короткомъ съ нимъ знакомствѣ.—По прибытіи своемъ въ столицу, явился я къ Аракчееву, бывшему уже военнымъ министромъ, который подробно меня разспрашивалъ о положеніи ротъ, находившихся въ наружномъ отношеніи вовсе не въ завидномъ видѣ.—Я, расхваля обоихъ командировъ, откровенно сказалъ все, что зналъ на счетъ лошадей и обученія солдатъ. Недѣли черезъ двѣ, изъ Гатчино тайно пріѣхалъ ко мнѣ Залдекъ-Пиковскій и просилъ меня объявить, что разспрашивалъ графъ и какъ я ихъ описалъ,—я и ему отвѣчалъ со всею откровенностью. Обѣ роты вступили въ Петербургъ во вторникъ, на Ѳоминой недѣлѣ.

Аракчеевъ велѣлъ имъ парадировать мимо себя, и когда рота Штадена прошла, а Залдека начала проходить, то, при обоихъ ротныхъ командирахъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ вслухъ:—„Благодарю тебя, «Журкевичъ,» *) что ты не сдѣлалъ привычки обманывать меня; роты нахожу, какъ ты описалъ мнѣ ихъ. Жаль, что онѣ опоздали дня три, а то

*) Аракчеевъ такъ называлъ всегда дѣда.

я приказалъ-бы имъ маршировать прямо подъ качели. Тамъ было-бы для нихъ приличное мѣсто.“ Штадену особенно приказалъ заботиться лучше о строѣ и въ этомъ отношеніи руководствоваться моими совѣтами, что Штаденъ охотно и усердно принялся выполнять. Этотъ случай описанъ мною подробно, съ цѣлью ознакомить Штадена, бывшаго послѣ непосредственнымъ моимъ начальникомъ.“

Затѣмъ Иванъ Степановичъ снова переходитъ къ частной, семейной жизни гр. Аракчеева и приводитъ одинъ случай изъ своихъ личныхъ отношеній къ временщику.

«Зять мой, Фроловъ,»*) говоритъ онъ „находился въ турецкой арміи казначеемъ при коммиссіонерствѣ. Онъ пріѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ какимъ-то донесеніемъ къ графу; это подало мнѣ мысль просить о переводѣ его изъ арміи на мѣстную службу въ Смоленскъ, и когда я сдѣлалъ это, то графъ отвѣчалъ мнѣ:

„Не было еще примѣра, чтобы изъ турецкой арміи выпустили коммиссіонера иначе, какъ со штрафомъ, и этого нельзя сдѣлать и для Фролова.“

Но вслѣдъ за тѣмъ, не предваря меня, приказалъ немедленно перевести его въ Смоленскъ, гдѣ онъ и получилъ мѣсто главнаго смотрителя госпиталя. Когда онъ подалъ графу привезенныя бумаги, тотъ спросилъ его:

— «По дорогѣ заѣзжали вы къ женѣ вашей?»

Тотъ испугался, ибо дѣйствительно свернулъ съ прямого пути и пробылъ въ Смоленскѣ нѣсколько часовъ, однако-же, отвѣчалъ: «Точно, заѣзжалъ.» — «Когда поѣдете назадъ,» прибавилъ графъ, «я дозволяю вамъ пробыть дома съ женою, а далѣе, что будетъ, посмотримъ. — Я знаю, что вы женаты на сестрѣ адъютанта моего Журкевича, кланяйтесь ей отъ меня!»

Когда стали носиться слухи о новой компаніи противъ французовъ и австрійцевъ, дѣдъ мой попросился въ армію и, попавъ въ 10-ю артиллерійскую бригаду, въ батарейную роту, перешелъ съ нею границу. Въ маѣ 1810 года онъ вернулся въ Петербургъ, а въ 1811 году состоялось назначеніе генерала

*) Фроловъ былъ женатъ на родной сестрѣ Ивана Степановича.

Ермолова командиромъ гвардейской артиллерійской бригады.

«Это случилось» пишетъ дѣдъ: «въ тотъ самый день, когда получено было предписаніе отправить меня немедленно въ Смоленскъ проселочною дорогою на Старую-Руссу, Холмъ, Торопецъ и Духовщину, на встрѣчу артиллерійскимъ рекрутскимъ партіямъ, направленнымъ уже изъ Смоленска въ Петербургъ по описанному тракту, съ тѣмъ, чтобы я оныя обратно отвелъ къ Смоленску».—

Близость Ивана Степановича къ гр. Аракчееву первоначально возстановила противъ него прямого, честнаго Ермолова, и когда, вернувшись изъ отпуска, дѣдъ мой являлся Ермолову (въ послѣднихъ числахъ февраля 1812 г.), то послѣдній принялъ его весьма сухо, а 5 марта того-же года бригада, въ которой служилъ дѣдъ, выступила уже въ походъ, подъ Вильну. Приведя нѣсколько случаевъ изъ похода, дѣдъ пишетъ:

«Государь изъ-подъ Полоцка отбылъ отъ арміи въ Москву, чрезъ Смоленскъ.

Не помню теперь, какого числа, навѣрное между 10 или 15 іюля, когда мы стояли подъ Ліозною, вечеромъ, уже въ совершенныя сумерки, потребовали меня и моего ротнаго начальника, капитана Гогеля, къ генералъ-лейтенанту Депрерадовичу, командовавшему 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Въ его квартирѣ были собраны уже нѣсколько генераловъ и полковыхъ командировъ. Когда мы прибыли, какъ кажется, уже послѣдними, онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ начальникомъ особаго легкаго отряда, отправляемаго открыть дорогу арміи къ Смоленску и, какъ предполагать должно, дорога эта, быть можетъ, занята уже непріятелемъ, а потому, всѣ мы должны ожидать жаркой встрѣчи съ незваннымъ гостемъ.

«Хотя я», продолжалъ Депрерадовичъ, «совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ жертвовать жизнью за Государя и отечество, но рѣшился предварить васъ о нашемъ предназначеніи съ тѣмъ, что если кто-либо не чувствуетъ въ себѣ твердости идти на видимую опасность, то лучше-бы и не шелъ въ этотъ отрядъ!»

Разумѣется, что подобнаго труса ни одного не оказалось.

Мы отправились къ своимъ мѣстамъ въ 10 часовъ вечера; съ особенною предосторожностью и тишиною снялись съ бивуаковъ, какъ-будто непріятельская цѣпь насъ окружала въ нѣсколькихъ только шагахъ, и выступили въ походъ на Рудню. —Въ отрядѣ этомъ были полки: Кавалергардскій, Конногвардейскій, гвардейскіе егеря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская артиллерійская рота и наша 2-я легкая рота. Этотъ отрядъ шелъ съ такой быстротой, что когда приходили къ мѣсту отдыха, то изъ пѣхоты на бивуаки едва-едва вступало нѣсколько человѣкъ, но черезъ часъ или два молодцы-егеря и Финляндцы бывали всегда уже въ полномъ комплектѣ. На отдыхахъ мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались въ походъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75-ти верстъ до Смоленска, безъ малѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ. Третій роздыхъ мы имѣли около удѣльнаго имѣнія «Приказъ-Выдры»: Я зналъ, что въ этомъ имѣніи очень часто бываетъ мой внучатный братъ Пирамидовъ, женатый на Лаптевой, сестрѣ моей невѣсты, ибо онъ служилъ по удѣльному вѣдомству, поэтому я, по прибытіи на бивуакъ, отправился въ волостную контору отыскивать голову и разспросить его, давно-ли былъ у нихъ Пирамидовъ, и когда, и куда онъ уѣхалъ изъ Смоленска, а также не знаютъ-ли чего либо объ Лаптевыхъ, которыхъ деревня была недалеко отъ Выдры. У головы квартировалъ Депрерадовичъ. Каковъ-же былъ сюрпризъ для меня, когда голова сказалъ мнѣ, что Пирамидовъ только нѣсколько часовъ какъ выѣхалъ отъ нихъ въ деревню, къ тещѣ своей, за 12 верстъ отъ нихъ, и что ни его семейство, ни семейство Лаптевыхъ вовсе не думали выѣзжать никуда.—Это меня такъ сильно озадачило и напугало, что я тутъ-же пошелъ къ Депрерадовичу просить позволенія отправиться тотчасъ-же къ Лаптевымъ, вывезти оттуда мою невѣсту и всю родню въ Смоленскъ. Депрерадовичъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, въ какую сторону лежитъ деревня?—и когда я сказалъ, что къ Днѣпру, онъ сперва мнѣ рѣшительно отказалъ, говоря, что хотя по другой сторонѣ и тянется цѣпь казаковъ, но что на это пола-

гаться нельзя, что непріятель, мѣстами, можетъ очень легко пробраться на нашу сторону для розысковъ и что я тогда могу даромъ попасться въ плѣнъ. Но я сталъ его убѣдительно просить отпустить меня, и онъ благословилъ меня, подтвердивъ, чтобы я самъ на себя пенялъ и не выдалъ бы извѣстія о томъ, что отрядъ нашъ идетъ на Смоленскъ.

Взявши у головы подводу, часовъ въ 10 утра поѣхалъ я въ Нолинцы (деревня Лаптевыхъ), куда и прибылъ въ самый полдень. Во дворъ господскій я долженъ былъ въѣхать аллеею, такъ что можно было пріѣздъ мой видѣть еще сажень за 100 отъ дома. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, когда я въѣхалъ на дворъ, была огромная масса сухарей, приготовленныхъ для арміи и сушившихся на солнцѣ, а затѣмъ въ окнѣ я увидѣлъ все семейство Лаптевыхъ, сидящихъ за обѣденнымъ столомъ, и въ концѣ стола, прямо противъ окна, мою невѣсту, которая, вскочивши, закричала: «Ахъ! Иванъ Степановичъ пріѣхалъ!» Тутъ и другіе всѣ бросились къ окну, а потомъ и на подъѣздъ, съ вопросомъ, что значитъ мой пріѣздъ изъ похода? Этотъ вопросъ мнѣ показался страннымъ, но каково-же было мое изумленіе, когда мать моей невѣсты и даже Пирамидовъ объявили мнѣ, что они вовсе не имѣютъ понятія ни о какой опасности; что они слышали, будто армія приближалась къ Витебску или Могилеву; но что около этихъ мѣстъ гдѣ-то было сраженіе и французы уже прогнаны назадъ; что на дняхъ Государь былъ въ Смоленскѣ, смотрѣлъ тамъ 12-ть армейскихъ ротъ и рекрутовъ, всѣхъ успокоилъ и обнадежилъ; и что они вовсе не собираются и не думаютъ куда-либо выѣхать. Я, объяснивъ имъ ихъ ослѣпленіе, сталъ убѣдительно просить матушку тотъ-же часъ собраться и ѣхать, по крайней мѣрѣ, въ Смоленскъ, что составляетъ не болѣе 18-ти верстъ; тамъ она сама могла удостовѣриться, что имъ никакъ нельзя долѣе остаться въ деревнѣ. Она-же мнѣ объявила, что это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ я предполагаю, что она обыкновенно все лѣто живетъ въ деревнѣ, а, слѣдовательно, на лѣто у нея въ Смоленскѣ вовсе нѣтъ запасу; теперь же пора рабочая, мужики всѣ въ полѣ и отъ работы отрывать ихъ грѣшно. Въ дальній путь, съ семействомъ, ей ѣхать и вовсе нельзя:

„На это нужны деньги, а у меня ихъ нѣтъ“—сказала она и потомъ прибавила: „Да что это, Иванъ Степановичъ, вы насъ пугаете, васъ вѣрно послали по какому-нибудь дѣлу въ Смоленскъ, и вы хотите, чтобы ваша невѣста была ближе къ вамъ и потому всѣхъ насъ за собой и тянете? Раненько вздумали, молодой человѣкъ, надо мною шутить.“

Послѣ долгихъ и долгихъ убѣжденій, она понемногу начала давать вѣру моимъ словамъ, обѣщала подумать и дня черезъ два пріѣхать въ Смоленскъ на нѣсколько дней. Пробывши часа два у нихъ, отправился я къ отряду своему, въ деревню Ольшу. Когда я явился послѣ къ Депрерадовичу, онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать меня, что слышно около Днѣпра о французахъ, но я удивилъ его моимъ разсказомъ, и онъ мнѣ серьезно сказалъ: „Напишите сейчасъ къ вашимъ роднымъ, что я вамъ велѣлъ ихъ увѣдомить: они не могутъ оставаться въ деревнѣ и отправьте къ нимъ нарочнаго“. Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала, и будущая теща моя съ 4-мя дочерями, изъ коихъ двѣ беременныя, съ двумя малютками, съ дворней, человѣкъ до 15-ти, безъ денегъ, безъ гардероба, безъ запасовъ, на другой день, въ 5-ть часовъ утра, перебралась въ Смоленскъ; а чрезъ полчаса послѣ ея выѣзда, въ деревню наѣхали свои мародеры и весь домъ повернули вверхъ дномъ, такъ что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бѣгомъ прибѣжали въ Смоленскъ и принесли вѣсть о томъ...»

«Въ тотъ-же день, вечеромъ подойдя къ Смоленску, безъ всякаго приказанія мы расположились на Покровской горѣ, а на другой день ввечеру и армія подошла, и мы заняли слѣдующую позицію: лицомъ къ Петербургу, такъ что лѣвый флангъ упиралъ въ Днѣпръ, а правый—примыкалъ къ дорогѣ на Духовщину. По другую-же сторону Днѣпра, у Краснаго, позицію занимала дивизія Невѣровскаго. Тогда носились слухи, что Наполеонъ дѣйствительно приказалъ одному корпусу идти отъ Орши, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску, но что сіе не выполнилось изъ опасенія, ибо французы получили свѣдѣнія, что государь въ Смоленскѣ дѣлаетъ смотръ большому числу войскъ, при которомъ было не менѣе 200 орудій артил-

леріи. Послѣднее было дѣйствительно справедливо. Это обстоятельство дало возможность 2-й арміи, которой командовалъ князь Багратіонъ, соединиться съ 1-ой. Багратіонъ, въ чинѣ полнаго генерала, былъ старѣе Барклая; но послѣдній, кромѣ званія главнокомандующаго, носилъ еще званіе военнаго министра. Когда князь, предупредивъ прибытіе своихъ войскъ, пріѣхалъ часомъ или двумя ранѣе въ Смоленскъ, то въ ту-же минуту отправился къ Барклаю; но тотъ, узнавъ, что пріѣхалъ Багратіонъ, самъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, и оба, одинъ другому, предоставляли честь первенства Но князь Багратіонъ настоятельно самъ подчинилъ себя младшему, утверждая, что тотъ, какъ военный министръ, болѣе облеченъ довѣріемъ Государя. Къ несчастію, между сими двумя главными военноначальниками согласіе было непродолжительно.

Утвержденіе наше около Смоленска ознаменовалось тотчасъ событіемъ, не имѣвшимъ до того времени подобнаго себѣ въ арміи.... Безпрестанное отступленіе отъ границы до Смоленска, какъ я уже говорилъ выше, возбудило ропотъ, но сверхъ того, оставляя большое пространство родной земли непріятелю, солдаты привыкли не только равнодушно смотрѣть на разореніе своего родного края, но даже и сами тому способствовали, разсуждая: «Лучше самимъ взять, чѣмъ отдать непріятелю.» Они не считали для себя особенно важнымъ преступленіемъ, если по домамъ и оставленнымъусадьбамъ и брали что-либо, и вотъ источникъ мародерства, для котораго на русскомъ языкѣ и названія не придумано. Около Смоленска оно дошло до чрезвычайности, и главнокомандующій, скрѣпя сердце, рѣшился самою строгою мѣрою положить тому преграду. — Около 20-го іюля, при собраніи отрядовъ отъ каждой части войскъ, разстрѣляли 7 человѣкъ на Покровской горѣ — Говорили, что въ числѣ ихъ два человѣка, едва ли виновные на самомъ дѣлѣ, подверглись той-же участи. Они были уличены въ грубостяхъ военному полиціймейстеру, которому, по своему понятію, считали ни мало неподчиненными, ибо военная полиція была еще новость для цѣлой арміи и какъ-бы что-то ей чуждое. Военные у насъ привыкли смотрѣть на полицію пре-

зрительно, и этотъ взглядъ былъ распространенъ, начиная отъ солдата до высшаго начальства.

До нашествія французовъ, въ самомъ Смоленскѣ жилъ мой зять, Фроловъ, служившій тамъ при военномъ госпиталѣ смотрителемъ; сестра же моя скончалась въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы подошли къ Смоленску. Зятя я еще засталъ въ его домѣ, но онъ уже собирался выѣхать въ слѣдъ за моей матерью, которую я успѣлъ найдти у моей тетки Адамовичевой, за Смоленскомъ, верстахъ въ 15-ти. Она перебиралась въ Дорогобужъ, къ родному своему брату, весьма на легкѣ, такъ мало думали, чтобы французы пошли далѣе Смоленска! Да и мы мечтали, что, по соединеніи обѣихъ армій, дадутъ рѣшительный отпоръ непріятелю.—Конечно, были люди, которые разсчитывали и на противные результаты.

Деревня моей матери была за Днѣпромъ, верстахъ въ 6-ти отъ Смоленска, и почти въ одномъ разстояніи отъ нашихъ бивуаковъ, не проѣзжая городъ. Мужички наши съ усердіемъ, ежедневно, таскали ко мнѣ живность и другіе запасы, пока мы стояли близко къ Днѣпру, и не только я, но и мои товарищи, въ эту стоянку имѣли хорошее продовольствіе; кромѣ того, я каждый день, по нѣсколько часовъ, проводилъ съ невѣстою, ибо семейство ея прожило въ Смоленскѣ дней десять, а потомъ отправилось чрезъ Ельню въ Москву, не зная рѣшительно, гдѣ и у кого со временемъ будутъ имѣть пристанище.

Близь Смоленска мы простояли около двухъ недѣль. Разъ пять насъ подавали впередъ по береговой дорогѣ къ Витебску на Рудню и два раза доходили до деревни Гаврики, слѣдуя всегда на деревню Шеломецъ. А какъ въ каждой дислокаціи похода встрѣчалось это послѣднее названіе, то солдаты прозвали эти передвиженія «ошеломѣлыми,» и дѣйствительно, мы сами не могли понять причину нашихъ маршей и контръ-маршей. Впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при мнѣ разсказывалъ, «что тогдашнее наше положеніе до такой степени было сомнительно, что одинъ Богъ могъ распутать наши дѣла. Наполеона потеряли изъ виду: то думали, что онъ обходитъ Смоленскъ и тянется боковыми путями на Москву;

то-что онъ заслонилъ намъ Петербургъ и думаетъ дать туда направленіе всей своей арміи.» «Одинъ разъ въ Гаврикахъ,» говоритъ Ермоловъ, «я былъ въ такомъ положеніи, что едва-ли другой-кто когда находился въ подобномъ. Барклай сидѣлъ среди двора одного дома на бревнахъ, приготовленныхъ для построекъ, Багратіонъ большими шагами расхаживалъ по двору и ругали, въ буквальномъ смыслѣ, одинъ другого: «Ты нѣмецъ! Тебѣ все русское ни почемъ,» говорилъ князь. «Ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ,» возражалъ Барклай. Оба они обвиняли одинъ другого въ томъ, что потеряли изъ виду французовъ и что собранныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, чрезъ своихъ лазутчиковъ, одни другимъ противорѣчатъ! Я-же въ это время,» добавилъ Ермоловъ—«будучи начальникомъ штаба у Барклая, заботился только объ одномъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ разговора и потому стоялъ у воротъ, отгоняя всѣхъ, кто близко подходилъ, говоря, что «главнокомандующіе очень заняты и совѣщаются между собою.»

Наконецъ, 2-го августа, когда мы стояли въ параллель дороги на Духовщину, намъ опять объявили походъ на Шеломецъ и на Гаврики. Мы выступили вечеромъ, часовъ въ девять, всю ночь тянулись нога за ногу и едва прошли верстъ 10, какъ вдругъ, въ третьемъ часу утра, услыхали пушечные выстрѣлы за Днѣпромъ и насъ опять повернули, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску. Французы, маскируя свои движенія, между Краснымъ и Лядами, у мѣстечка Рососны, сдѣлали дѣйствительную переправу и ударили на Невѣровскаго. Я не буду описывать то, что уже извѣстно изъ реляцій и чего самъ не видалъ; но когда мы подошли къ городу, то въ глазахъ нашихъ, по другую сторону, происходила жаркая свалка. Невѣровскій, съ своими остатками, припертъ былъ уже къ самой стѣнѣ города; гренадеры были высланы къ нему на подкрѣпленіе и удержали французовъ. Справедливо-ли, но какъ тогда, такъ и послѣ слышалъ я, что возможностью подкрѣпленія Невѣровскаго гренадерами опять руководилъ случай. Гренадерами командовалъ принцъ Мекленбургскій. Вечеромъ, 2-го числа, когда была прислана въ его дивизію дислокація о по-

ходѣ, онъ такъ крѣпко спалъ, что его долго не могли добудиться, будили въ нѣсколько пріемовъ, что взяло времени около 2-хъ часовъ, и двумя часами дивизія запоздала выступленіемъ; а это опаздываніе, вмѣсто вреда, обратилось къ нашей выгодѣ; если бы гренадеры были нѣсколько верстъ далѣе на походѣ, французы, оттѣснивши Невѣровскаго, непремѣнно-бы заняли Смоленскъ и были бы уже въ тылу нашихъ.

Бой 3-го и 4-го августа происходилъ въ виду нашихъ армій, которыя въ теченіи 2-хъ недѣль, стояли тыломъ къ Смоленску, а лицомъ—къ Петербургу; теперь-же, когда дрались за Смоленскъ, мы стояли уже повернувшись на своей оси. Наша бригада въ резервѣ стала на лѣвомъ флангѣ, противъ Раевскаго пролома, и одна изъ ротъ, вмѣстѣ съ нами составлявшая резервъ артиллерійскій, подполковника Нилуса, была отдѣлена отъ насъ и съ этого берега Днѣпра фланкировала стѣну города, у этого пролома, съ большею, конечно, славою но безъ всякой для себя опасности; ибо въ то время, когда французскія колонны, пользуясь кустарниками и рытвинами, съ этой стороны стали спускаться въ обходъ стѣны къ пролому, удачными выстрѣлами Нилусовой батареи были удержаны и не дошли до Днѣпра, а потому не могли на этотъ разъ отрѣзать и уничтожить переправу для бившихся за Смоленскомъ нашихъ войскъ.—Но до Нилусовой батареи не долетало ни одно непріятельское ядро, ибо она стояла гораздо выше той французской батареи, которая была направлена противъ нея.

Нашею бригадою, за отдѣленіемъ Ермолова къ важнѣйшимъ занятіямъ, командовалъ полковникъ Эйлеръ. 3-го августа, когда мы заняли нашу позицію, онъ, подойдя къ моему бивуаку, вызвалъ меня и сказалъ: — „Ты хорошо знаешь, Иванъ Степановичъ, церковную службу и вѣрно знаешь, какое читаютъ Евангеліе, когда служатъ молебенъ Божіей Матери. Правда-ли, что тутъ говорится, что она пробудетъ въ отсутствіи изъ дома три мѣсяца и потомъ возвратится опять къ себѣ?“ Я отвѣчалъ, что хотя и говорится о трехъ мѣсяцахъ, но это уже въ прошедшемъ, а не въ будущемъ отношеніи, и повторилъ ему буквально выраженіе этого текста Евангелія. Онъ

мнѣ тутъ-же прибавилъ: — „Ну, вотъ теперь на этомъ текстѣ основываютъ нашу надежду! Говорятъ, что мы Смоленскъ отдадимъ французамъ, но чрезъ три мѣсяца опять будемъ тутъ-же“.

Тотчасъ вынесли чудотворный образъ Божіей Матери изъ церкви, что надъ Днѣпровскими воротами, и при этомъ пѣли непрестанные молебны, при чемъ всѣ повторяли эти слова. (Образъ этотъ былъ теперь у насъ въ резервѣ, при ротѣ Нилуса, при которой онъ и находился въ теченіи всего похода до возвращенія въ Смоленскъ. Пророчество это, переданное мнѣ Эйлеромъ 3-го августа, на позиціи подъ Смоленскомъ, дѣйствительно сбылось, ибо Смоленскъ занятъ обратно 3-го ноября, и образъ этого именно числа, внесенъ опять на Смоленскую стѣну).

Въ то время, когда происходила самая жаркая битва въ Смоленскѣ, который переходилъ на глазахъ нашихъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и когда городъ весь былъ объятъ пламенемъ, я увидѣлъ Барклая, подъѣхавшаго къ батареѣ Нилуса и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на двигавшіяся непріятельскія колоны, въ обходъ Раевскаго, и отдававшаго свои приказанія.... Но какая злость и негодованіе были у каждаго на него въ эту минуту за наши постоянныя отступленія, за Смоленскій пожаръ, за раззореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ не русскій! Все, накипѣвшее у насъ, выражалось въ глазахъ нашихъ, а онъ, по прежнему, безстрастно, громко, отчетливо, отдавалъ приказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ. Тутъ вдругъ увидѣли, что по мостамъ переходятъ войска наши на эту сторону Днѣпра, за ними толпою тащатся на повозкахъ и пѣшими бѣдные Смоленскіе обыватели; резервъ нашъ передвинулся за 5 верстъ на дорогу, идущую въ Порѣчье, и двѣ батарейныя роты наши заняли возвышеніе, въ перерѣзъ большой дороги, а позади расположились гвардейскіе кавалерійскіе полки. Толпы несчастныхъ смолянъ, разсыпавшихся по полю безъ крова, пріюта, понемногу собирались сзади, около насъ, чтобы продолжать далѣе свое тяжелое странствованіе. Крики дѣтей, рыданія раздирали нашу душу, и у многихъ изъ насъ невольно пробилась слеза и вырвалось не одно проклятіе тому, кого мы

считали главнымъ виновникомъ этого бѣдствія. Здѣсь я самъ слышалъ, своими ушами, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ нашей батареѣ, около которой столпилось много смолянъ, утѣшалъ ихъ сими словами: „Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы, и больно, но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается.“

Когда такія слова вырывались изъ груди брата Царева, что должны были чувствовать и что могли говорить низшаго слоя люди?

Ропотъ былъ гласный, но духъ Барклая ни мало не поколебался, и онъ все хранилъ одинаковое хладнокровіе, только изъ Дорогобужа онъ отправилъ великаго князя съ депешами къ Государю, удостовѣривъ его, что этого порученія, по важности, онъ никому другому довѣрить не можетъ. Великій князь, какъ говорятъ, рвалъ на себѣ волосы и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдъегеря. Въ этомъ случаѣ, Барклая обвинять нельзя. Трудно повелѣвать надъ старшими себя и отвѣчать за нихъ-же. А великій князь и Багратіонъ были старѣе Барклая, и они оба роптали не менѣе другихъ.

На этой позиціи мы простояли только нѣсколько часовъ, потомъ насъ повели по дорогѣ на Духовщину. Едва мы сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ насъ своротили по проселку, на большую дорогу изъ Смоленска на Москву. Проселкомъ мы шли около 20-ти верстъ, и на дорогѣ имѣли ночлегъ.—Этотъ переходъ былъ до такой степени затруднителенъ, что колонны безпрестанно останавливались, ибо, кромѣ того, что по этой дорогѣ едва-едва могла пробраться крестьянская телѣга въ одиночку,—до такой степени она была узка,—она, сверхъ того, была вся въ горахъ и пересѣчена источниками, на которыхъ еле держались мосты, а другіе-таки просто обрушивались подъ орудіями. Наконецъ, мы стали вытягиваться на большую дорогу въ 16-ти или 18-ти верстахъ отъ Смоленска.

Послѣ слышалъ я сужденіе Ермолова, что здѣсь была самая важная ошибка въ эту компанію. Багратіонъ шелъ уже по Московской дорогѣ; мы были въ гористыхъ ущельяхъ;

французы, хотя и не перешли Днѣпръ, но уже стояли почти противъ того пункта, гдѣ мы гусемъ выходили изъ ущелья, и у нихъ подъ носомъ былъ бродъ, такъ-что, если-бы Жюно схватился и перешелъ черезъ Днѣпръ, мы всѣ живьемъ были-бы перехвачены или самое лучшее еще—отрѣзаны опять отъ Багратіона и отброшены къ Духовщинѣ, тогда бы намъ другого пути не было, какъ идти на Бѣлую и оттуда искать случая вновь соединиться съ Багратіономъ Но, къ нашему счастію, казаки, не помню теперь, подъ командою Исаева или Карпова, цѣпью своей такъ хорошо закрывали наше критическое положеніе и удерживали натиски французской кавалеріи, переправленной, безъ пѣхоты, за Днѣпръ, что мы этому обязаны своимъ спасеніемъ. Когда мы вышли на большую дорогу, тогда гренадеры обращены были къ Валутиной горѣ и тамъ, твердостью своею, загородили путь французскому напору въ преслѣдованіи насъ.

Выйдя на большую дорогу, мы благополучно слѣдовали къ Дорогобужу. Здѣсь со мной встрѣтился странный случай. Года за четыре, бывши въ отпуску, ѣздилъ я изъ Смоленска, проселкомъ, къ дядѣ моему, въ деревню Михайловку, находящуюся верстахъ въ 8-ми отъ Дорогобужа, въ сторону къ Смоленску. Въ Дорогобужѣ я не былъ и мѣстности не зналъ. Когда мы теперь пришли къ Дорогобужу, насъ поставили въ позицію: разумѣется, армія впереди, а резервъ позади ея. Меня откомандировали фуражировать въ тылу нашихъ. Я поѣхалъ по проселку и сдѣлалъ верстъ 10. Пріѣхавши въ одну деревню, приказалъ командѣ отправиться по дворамъ для отысканія овса и сѣна, а самъ остался у входа въ селеніе. Вдругъ подходитъ ко мнѣ человѣкъ и называетъ меня по имени. Не узнавши его, я спрашиваю, кто онъ и что ему нужно? Онъ отвѣчаетъ, что онъ—человѣкъ моего дяди и что удивляется, какъ я пріѣхалъ на эту дорогу за французами, ибо французы въ 2-хъ верстахъ отсюда по дорогѣ отъ Ельни къ Дорогобужу. Изъ словъ его замѣчая, что французы обходятъ уже Дорогобужъ, я сталъ подробнѣе его разспрашивать, и за чѣмъ онъ самъ тутъ, ибо я полагалъ, что деревня дяди, Михайловка, уже нами пройдена и находится впереди нашей

линіи. Какъ-же я удивился, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался, когда онъ удостовѣрилъ, что эта и есть самая деревня дяди и что я, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ тылъ арміи, самъ теперь нахожусь впереди оной и почти на носу у французовъ! Собравши фуражировъ, я пошелъ на рысяхъ къ ротѣ, но роту уже не нашелъ на старомъ мѣстѣ, а на новой позиціи, и въ проѣздъ мой я уже перерѣзалъ передовую линію. Это обстоятельство долго для меня было загадкой; но въ 1830 году, когда я служилъ въ Тулѣ и Ермоловъ былъ у меня, въ разговорѣ съ нимъ, я коснулся этого обстоятельства, и онъ вдругъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ, ты знаешь это? Вѣдь это наша государственная тайна! За нее Багратіонъ настаивалъ, чтобы нашего тогдашняго генералъ-квартирмейстера Толля, ежели не разстрѣлять, то, по крайней мѣрѣ, облечь въ «бѣлый крестъ,» *) (т. е. разжаловать въ солдаты), ибо онъ расположилъ подъ Дорогобужемъ армію такъ, что она стояла тыломъ къ французамъ, а лицомъ — къ Москвѣ.» Я объяснилъ Ермолову все, мною написанное выше.»

Описавъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ онъ лично участвовалъ, Иванъ Степановичъ продолжаетъ:

«3-го ноября мы подошли къ Красному. Тутъ, послѣ сильныхъ морозовъ, начавшихся отъ Вязьмы и продолжавшихся дней 10-ть, сдѣлалась сильная оттепель. На дневкѣ, вечеромъ, часу въ пятомъ, Кутузовъ объѣзжая бивуаки, подъѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ ѣхало человѣкъ пять генераловъ, въ числѣ которыхъ были принцъ Александръ Виртембергскій, Оппермaнъ и Лавровъ, а позади ихъ семь человѣкъ конногвардейцевъ везли отбитыя у непріятеля знамена. «Здравствуйте, молодцы — семеновцы!» закричалъ Кутузовъ: «Поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріятелемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! Пускай кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что сегодня взялъ 115-ть пушекъ и сколько-то генераловъ. не помнишь-ли, Оппермaнъ, сколько именно?» Оппермaнъ отвѣчалъ: «15-ть.» — «Слышите-ли, мои друзья, 15-ть,

*) Въ то время ремни, поддерживающіе ранцы, были бѣлые и сходились крестъ на крестъ на груди у солдатъ, — вотъ на что намекалъ Ермоловъ.

т. е. 15-ть генераловъ! Ну, а если бы у насъ взяли столько, то остальныхъ сколько-бы осталось? Вотъ, братцы, пушки пересчитать можно на мѣстѣ, да и тутъ не вѣрится; а въ Питерѣ скажутъ: „хвастаютъ!“ Затѣмъ Кутузовъ подъѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, командовавшаго въ то время 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей и расположившагося за Семеновскимъ полкомъ.—Кутузовъ и прочіе генералы сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тутъ-же кирасиры сошли съ лошадей, стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, въ родѣ шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ, сталъ читать надписи, на одномъ изъ нихъ, вслухъ всѣ тѣ сраженія, къ которыхъ отличался тотъ полкъ, которому принадлежало знамя, и въ числѣ прочихъ побѣдъ прочелъ: «Аустерлицъ!» «Что тамъ,» спросилъ Кутузовъ: «Аустерлицъ?» Да, правда! Жарко было и подъ Аустерлицемъ! Но омываю руки мои предъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови Аустерлицкой! Вотъ, хотя бы и теперь, къ слову, не далѣе, какъ вчера, я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ, за Бородинское сраженіе, далъ бриллiантовые кресты въ награду. Говорятъ, что бриллiанты—принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мнѣ право. Правда; и въ этомъ я безъ вины виновенъ. Но ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но даже и послѣдній ратникъ, столько заслужили, что осыпь ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что говорить! Истинная награда не въ крестахъ и алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей. Вотъ здѣсь кстати я разскажу о дошедшей мнѣ наградѣ. Послѣ взятія Измаила, я получилъ звѣзду св. Георгія; тогда эта награда была въ большой чести. Я думаю, здѣсь есть еще люди, которые помнятъ молодого Кутузова (Тутъ Кутузовъ вздернулъ носъ къ верху). Нѣтъ? Ну, послѣ! Когда мнѣ Матушка-Царица приказала прибыть въ Царское Село, къ себѣ, я поспѣшилъ выполнить ея приказаніе—поѣхалъ. Пріѣзжаю въ Царское. Пріемъ мнѣ былъ назначенъ парадный. Я вхожу въ залу въ одну, въ другую, всѣ смотрятъ на меня, я ни на кого и смотрѣть не хочу. Иду себѣ и думаю, что у меня Георгій на

груди! Дохожу до кабинета, отворяются двери; что со мною сталось! И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія, и то, что я Кутузовъ.» Я ничего не видалъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда! И съ чувствомъ, постепенно понижая голосъ, (*) Кутузовъ пріостановился—и все кругомъ его молчало.

Потомъ весь этотъ разсказъ онъ повторилъ на французскомъ языкѣ принцу Александру Виртембергскому, видимо съ цѣлью, чтобы отъ него перешло это выше—въ Петербургъ.

Тутъ одинъ офицеръ Семеновскаго полка сказалъ громко:—«Не правда-ли, какъ эта сцена походитъ на сцену изъ трагедіи «Дмитрій Донской» (трагедія Озерова)!»

Посниковъ закричалъ: «Ура! спасителю Россіи!» и громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возгласъ тронулъ каждаго изъ присутствующихъ, а Кутузова, конечно, болѣе всѣхъ.

Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: „Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мнѣ эта честь, а слава русскому солдату!“ и потомъ, бросивъ вверхъ свою фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ, закричалъ: «Ура! ура! ура! доброму русскому солдату.....» Потомъ, когда «ура» утихло, Кутузовъ усѣлся опять на скамью и, обращаясь къ Лаврову, продолжалъ такъ:—«Гдѣ это собачій сынъ сегодня ночуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ покойно. Александръ Никитичъ (партизанъ Сеславинъ, въ это время только капитанъ гвардіи) далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя.—Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ прислалъ побасенку нашъ краснобай Крыловъ: „Собрался волкъ на псарню, псовъ потревожить. Войдти-то онъ вошелъ, да вотъ какъ пришлось выбираться оттуда—давай за умъ! Собаки на него стаею, а онъ въ уголъ, ощетинился и говоритъ: „Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не врагъ вамъ. Пришелъ только посмотрѣть, что у васъ дѣлается, а вотъ сейчасъ и вонъ пойду.“ Но тутъ подоспѣлъ псарь, да и отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, братъ волчище, не провесть тебѣ насъ! Правда! Ты сѣрый уменъ, но и я, дру-

*) Въ рукописи записано дѣдомъ и зачеркнуто имъ же: „какъ актеръ.“

жище, сѣдъ уже и не глупѣе тебя!» (тутъ Кутузовъ снялъ шапку и рукою, кругомъ головы, показалъ сѣдины свои), „не уберешься такъ легко отсюда, какъ пришелъ сюда!“—и пустилъ стаю псовъ на него,“—прибавилъ онъ.—Громкое «Ура» повторилось вновь по войску!...

Эта сцена разсказана не вполнѣ вѣрно Данилевскимъ въ его «Исторіи войны 1812 года» со словъ Ваксмута, бывшаго въ моей полуротѣ подпоручикомъ и находившагося тутъ же, вмѣстѣ со мной.—Здѣсь сцена эта описана съ историческою вѣрностью.»

Около Краснаго, верстахъ въ 12-ти, находится деревня моего двоюроднаго брата Платона Васильевича Жиркевича. Въ молодыхъ лѣтахъ, дослужившись до чина Надворнаго Совѣтника и въ званіи Оберъ-секретаря сената, онъ, женившись, оставилъ службу.—Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, безъ особеннаго образованія, онъ слылъ всегда, однако же умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ, и неоднократно былъ приглашаемъ дворянствомъ и начальствомъ на службу, по выборамъ, но рѣшительно и всегда отъ сего отказывался; занимался же болѣе всего торговлей, сплавляя изъ Порѣчья хлѣбъ по Двинѣ, въ Ригу.—Въ 1812 году у него скопилось хлѣба въ Ригѣ 2-хъ—годовая пропорція, по случаю запрещенія вывоза онаго за границу.—Когда открылась кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно было предполагать, что хлѣбъ примутъ въ казну, и онъ въ началѣ іюня, лично для сего отправился въ Ригу.—Но какой же былъ ему сюрпризъ, когда, вмѣсто обращенія на продовольствіе, приказано было всѣ магазины, на форштатѣ, предъ крѣпостью, гдѣ былъ сложенъ и его хлѣбъ—предать огню! И онъ, бѣдняга, оставивъ дома беременную жену на сносѣ, долженъ былъ немедленно выбраться изъ Риги и двѣ станціи шелъ пѣшкомъ. Къ Смоленску онъ прибылъ 1-го или 2-го августа и нашелъ жену уже въ Смоленскѣ. На вопросъ, какъ и когда она туда прибыла?—она отвѣчала ему, что только наканунѣ—выбралась изъ дому и ровно ничего не взяла съ собой. Проводивъ жену къ одному родному своему, верстъ за 20, за Смоленскъ, онъ верхомъ поспѣшилъ къ себѣ въ деревню, чтобы захватить серебро и часть одежды. Но едва доб-

рался до дома, какъ окруженъ былъ французами и посаженъ подъ присмотръ. Жена его родила 6-го августа. Когда французы положительно заняли всю Смоленскую губернію, тогда она отправилась обратно къ мужу, который, присутствіемъ своимъ въ деревнѣ, спасъ свое имущество отъ расхищенія вполнѣ, такъ какъ къ нему въ домъ поставленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, караулъ для присмотра за нимъ, а затѣмъ, по неимѣнію въ виду значительныхъ помѣщиковъ и по знанію о личномъ уваженіи къ нему сосѣдей, онъ былъ назначенъ французскимъ начальникомъ подпрефектомъ Смоленской провинціи.

Когда мы расположились у Краснаго и узнавъ, что мы будемъ дневать тутъ, я отпросился у полковника съѣздить въ деревню брата, узнать что-нибудь объ его участи, и каково-же было мое удивленіе, когда я засталъ тамъ все семейство и услыхалъ всѣ подробности выше мною описанныя. Я тотчасъ посовѣтовалъ брату ѣхать въ главную квартиру и тамъ объяснить все дѣло. Послѣдствія были очень непріятны для него, и только одинъ милостивый манифестъ 12-го декабря успокоилъ его личность, хотя совѣсть нисколько и никогда его не упрекала. Свиданіе-же мое съ нимъ доставило мнѣ нѣсколько удовольствія, а важнѣе всего я получилъ тулупъ, хотя простой и крытый затрапезью, но когда я явился въ немъ на бивуаки, товарищи мои встрѣтили меня съ большою завистью.

По возвращеніи моемъ къ ротѣ, узналъ я, что капитанъ мой Гогель, который оставался старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ при гвардіи, получилъ приказаніе — отрядить одну полуроту съ егерскимъ полкомъ, назначеннымъ въ особый отрядъ, для встрѣчи идущей отъ Смоленска къ Красному французской колонны. Я убѣдительно просилъ его командировать меня туда, но онъ отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ самъ остаться только при шести орудіяхъ своей роты, бывши начальникомъ, когда другая рота, состоящая въ его командѣ, будетъ оставаться безъ раздробленія, въ комплектѣ, и назначилъ изъ той роты Вельяминова, а при немъ — Ладыгина и Зварковскаго.

Эта полурота, на другой день, не наведя на себя ни одного непріятельскаго выстрѣла, покрылась честью отличнаго подвига, такъ что Вельяминовъ и Ладыгинъ получили Георгіевскіе кресты, а Зварковскій — золотую шпагу. На мою же долю только пришлось нѣсколько благосклонныхъ словъ прямо отъ Кутузова, и вотъ по какому случаю.

Послѣ оттепели сдѣлался легкій морозецъ. На походѣ моя полурота перевозилась съ одной горы на другую и тутъ же подъѣхалъ въ крытыхъ саняхъ Кутузовъ. Пара, везшая его, была не подкована, и въ началѣ спуска съ горы одна лошадь упала. Я тотчасъ-же приказалъ солдатамъ спустить сани съ горы и на себѣ поднять ихъ на другую сторону. — Кутузовъ, увидя мою заботливость, велѣлъ подозвать меня къ себѣ, и когда я подошелъ, спросилъ, какъ меня зовутъ? Получивъ отвѣтъ, сказалъ мнѣ: «Припомни, другъ мой Жиркевичъ, мена старика подъ старость. Какъ, ты меня бережешь, старика, такъ и тебя когда нибудь беречь станутъ!»

Въ этотъ же день я видѣлъ, до какой степени начали доходить съ одной стороны отчаяніе, а съ другой стороны ожесточеніе въ этой войнѣ. — При выходѣ нашемъ на большую дорогу, путь нашъ пересѣкся гвардейскимъ егерскимъ полкомъ. — Вдругъ я вижу, что въ рядахъ онаго преспокойно идетъ себѣ одинъ французскій солдатъ, съ ружьемъ на плечѣ. — Онъ до такой степени былъ обезумѣвшимъ, что, конечно, полагалъ себя въ тылу своихъ товарищей. — Но тутъ замѣтилъ его одинъ егерскій солдатъ и, не говоря ни слова, прикладомъ ударилъ его по головѣ такъ, что тотъ, безъ чувствъ, упалъ на землю. Я сталъ строго за сіе выговаривать ударившему, но тотъ съ ожесточеніемъ возразилъ мнѣ: «Ваше благородіе! у меня не стало ни отца, ни матери отъ этихъ бестій; и другого утѣшенія не имѣю, какъ не щадить ни одного изъ нихъ; я поклялся передъ Богомъ въ этомъ.»

Подробно описываетъ въ своихъ запискахъ Иванъ Степановичъ походъ за границу, рядъ новыхъ сраженій, новыхъ встрѣчъ и какъ финалъ кампаніи — торжественное вступленіе русской побѣдоносной арміи въ Парижъ; жизнь въ Парижѣ. Наконецъ онъ вернулся на родину.

«Прибывъ въ Смоленскъ» пишетъ дѣдъ мой: «я узналъ, что семейство Лаптевыхъ изъ Ярославской губерніи перебралось въ Тверскую, къ родственницѣ матери моей невѣсткѣ Шишкиной, рожденной Талызиной, по первому мужу Гедеоновой. Родной мой край представлялъ все еще только одно пожарное пепелище. Въ имѣніи матушки Милоселье болѣе половины крестьянъ перемерло, осталось всего лишь 16 душъ, и Фроловъ, къ которому отъ сестры перешло это имѣніе, по крайней мѣрѣ озаботился продовольствіемъ мужикамъ и обсѣвомъ ихъ и своихъ полей. Въ Новинцахъ же, деревнѣ Лаптевой, все стояло вверхъ дномъ. Поля не засѣяны, крестьяне не призрѣны, и что всего чувствительнѣе для имѣнья—отсутствіе хозяевъ, тѣмъ болѣе что въ самое это время выдавалось пособіе отъ правительства. Какъ извѣстно, что всѣ подобныя распоряженія въ началѣ какъ-то идутъ живѣе и удовлетворительнѣе для нуждающихся, а въ послѣдствіи, по прошествіи нѣкотораго времени, участіе и рвеніе остываютъ, и вотъ явное доказательство тому: матушка, не будучи на лицо, по возвращеніи своемъ, ничего уже не получила на свою долю.»

Пробывъ въ Смоленскѣ только два дня, Иванъ Степановичъ поѣхалъ съ Фроловымъ въ Елецъ, а оттуда въ Задонскую деревню С. С. Сахарова, у котораго въ это время жила мать Ивана Степановича (мать Сахаровыхъ была родная сестра матери Ивана Степановича, а отецъ ихъ при Императрицѣ Екатеринѣ II служилъ при дворѣ и былъ одинъ изъ ея любимыхъ и вліятельныхъ каммердинеровъ.)

„Съ матерью и съ Фроловымъ" заноситъ въ свои воспоминанія Жиркевичъ: „мы отправились, въ исходѣ октября 1814 года, въ г. Смоленскъ, куда и прибыли 3 ноября. Здѣсь я узналъ, что семейство Лаптевыхъ все возвратилось и живетъ въ деревнѣ. Разумѣется, что я сейчасъ же поспѣшилъ туда... Но какъ меня поразилъ видъ моей невѣсты!. Она предшествующую зиму, во время краткаго переѣзда изъ Ярославской губерніи въ Смоленскъ, отъѣхавши изъ города въ деревню, на Днѣпрѣ, съ санями провалилась подъ ледъ и спаслась какимъ-то чудомъ, но съ того времени открылось у нея сильное кровохарканье, такъ что при малѣйшемъ нравственномъ по-

трясеніи кровь немедленно вырывалась горломъ чашки по двѣ; да къ этому у нея была корь, отъ которой выпали всѣ волосы на головѣ. Тѣмъ не менѣе я сталъ настаивать на моемъ искательствѣ.

Теперь надо представить себѣ положеніе насъ обоихъ и нашихъ семействъ. У моей матери, въ обрѣзъ, ровно ничего! У Лаптевыхъ, кромѣ той-же скромности достатка, большой долгъ, сдѣланный для прокормленія крестьянъ и огромной дворни. На мнѣ—одинъ старый мундиръ, два фрака, статскій сюртукъ, безъ жалованья и даже безъ видовъ содержать себя! Я не знаю, что я думалъ тогда, но упрямство мое было такъ велико, что я настаивалъ на свадьбѣ. Иногда мнѣ казалось, что я будто-бы добиваюсь, чтобы мнѣ отказали; но сердечная привязанность и вниманіе ко мнѣ моей невѣсты не только не ослабѣли, но съ каждымъ днемъ все болѣе усиливались, и чѣмъ болѣе я размышлялъ о бѣдственномъ ея положеніи—тѣмъ дороже и милѣе становилась она мнѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1815 г., на вербной недѣлѣ, когда я сталъ настоятельно просить мать невѣсты—рѣшить нашу участь, она, при всей ангельской кротости, вынуждена была сказать мнѣ, что я сошелъ съ ума и что я самъ не знаю, чего желаю и чего требую; я съ сердцемъ уѣхалъ и сватовство свое считалъ совсѣмъ разстроеннымъ.

Но въ день Св. Пасхи я получилъ отъ невѣсты письмо, въ которомъ она извѣщала, что матушка рѣшилась благословить насъ и что она сама будетъ писать къ моей матери. И дѣйствительно. Е. Я., извѣщая мою мать о моемъ настояніи, чистосердечно объяснила свое крайнее положеніе, просила, если можно, убѣдить меня обождать, пока я себя не пристрою, но если это покажется недѣйствительнымъ, то она, съ своей стороны, не будетъ болѣе намъ препятствовать. Матушка, зная хорошо мой характеръ, передала мнѣ только письмо, не говоря ни слова, и 2-го мая 1815 г. я сдѣлался мужемъ Александры Ивановны.

Не взирая на крутость этой свадьбы, на бѣдность нашихъ средствъ,—ибо чтобы заплатить священнику и причетникамъ за вѣнецъ, я взялъ у Фролова 30 руб., а за невѣстою три ста-

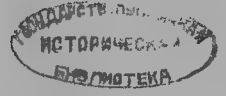
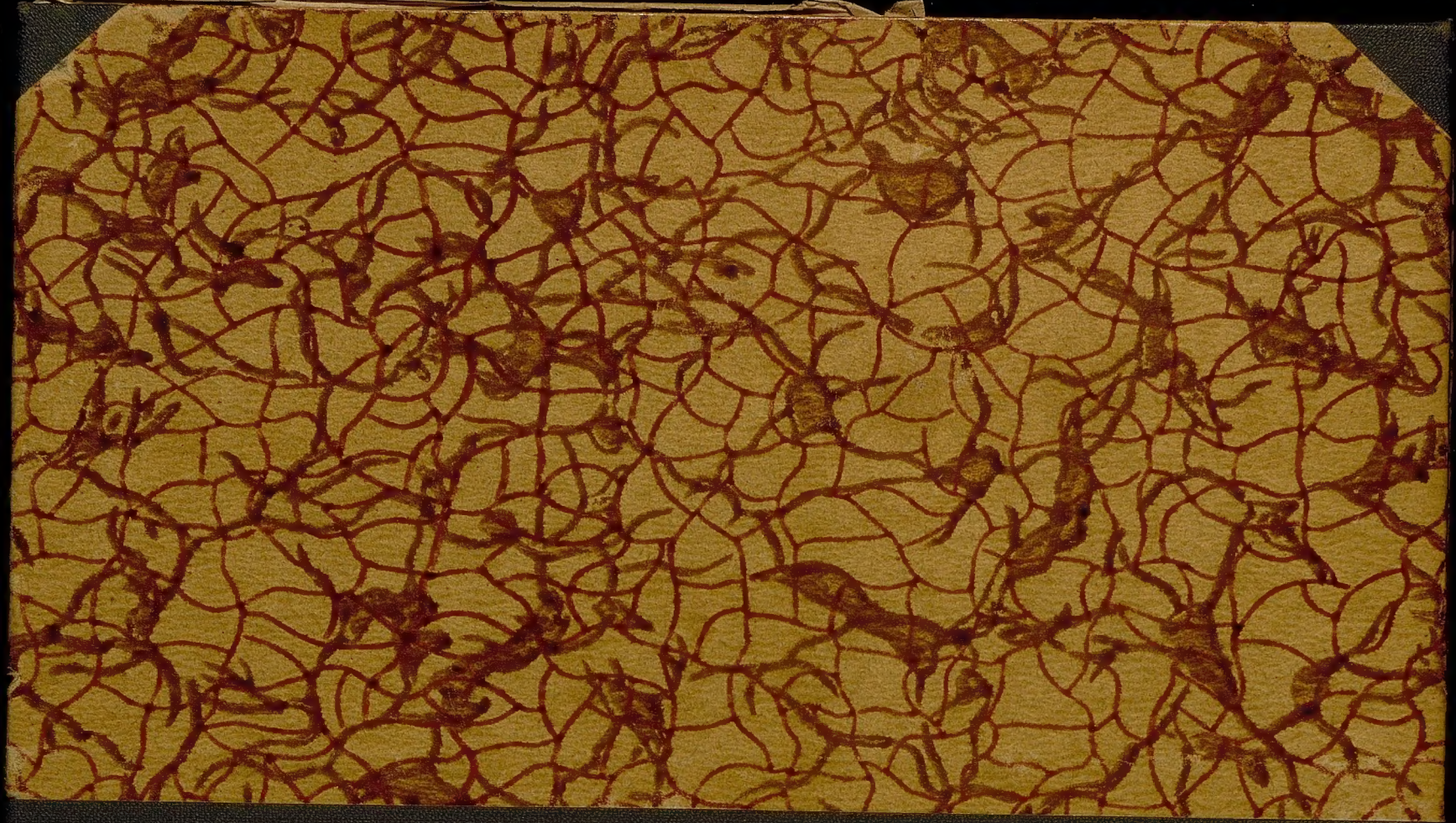
рыхъ платья,—вотъ уже тридцать два года, какъ я пользуюсь совершеннымъ семейнымъ счастьемъ и моимъ дѣтямъ не желаю лучшей участи.» *)

На этихъ подробностяхъ кончается часть мемуаровъ И. С. Жиркевича, имѣющая отношеніе къ Смоленской губерніи и въ то-же время интересная въ историческомъ или бытовомъ отношеніяхъ.

Далѣе идетъ описаніе быстрой, исключительной, хотя и не легко доставшейся, служебной карьеры дѣда, которую онъ вѣчно портилъ и въ концѣ-концовъ погубилъ, благодаря положительнымъ и отрицательнымъ сторонамъ своего характера. Но даже враги отдавали ему должную дань уваженія, и при жизни его, и послѣ кончины.....

А. В. Жиркевичъ.

Г. Смоленскъ.
8 октября 1904 г.



*) Писано въ Полоцкѣ, въ отставкѣ, въ крайней нуждѣ, въ 1847 году.